

Талант быть человеком

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

...Она стояла на танцплощадке в углу, там, где переминаются с ноги на ногу самые некрасивые и невезучие, и ждала. Камера выхватывала из толпы ее огромные глаза, нескладную фигуру в очень коротком по тогдашней моде платье, целый набор сумочек в руках — дали поддержать более удачливые подруги, и смотреть больше уже ни на кого не хотелось. То есть невозможно глаз было оторвать от этой нелепой девчонки, смешно раскачивающейся в такт музыке, всем желающей добра и ждущей, похоже, не кавалера, а — чуда... Таковы первые кадры фильма «Начало» режиссера Глеба Панфилова, такой мы увидели тогда актрису Инну Чурикову — Пашу Строганову по картине.

В одном из интервью Глеб Панфилов вспомнил, что облик Чуриковой при первом знакомстве буквально ошеломил его. Такая была в нем обнаженная, покоряющая собеседника духовность. А познакомились они, когда она играла в спектакле Московского ТЮЗа... Бабю Ягу. Помните, в «Начале» тоже есть такой эпизод: Паша, участница самодеятельного кружка, отчаянно размахивает на сцене метлой, изображая Бабю Ягу. Потом там же, в картине, ей предстоит сыграть Жанну д'Арк. Чурикова купалась в роли, она мгновенно из фабричной девчонки, любезно угощающей своего Аркадия («не стесняйтесь — дичь можно руками»), превращалась в святую воительницу Жанну, из-под челки угрюмо взглядывающую на священника. И оставалась при этом самой собой — умной, тонкой, ни на кого не похожей актрисой со своей темой, хочется написать — не только творческой, но — человеческой темой.

— Что в актерской профессии главное? — задумывается Инна Михайловна. — Может быть, вот это: с каждой новой ролью надо опять и опять доказывать — не только коллегам, зрителю, но и себе, что ты чего-то стоишь. Что ты не потеряла способности измучиться, восхититься, страдать так сильно и непосредственно, как, скажем, в детстве. Знаете, с возрастом у многих людей душа словно затвердевает, становится менее чувствительной и ранимой. Для художника это — смерть...

В искусстве жить сложно. Легко ли сохранить ранимость, когда любая актриса, даже самая знаменитая, не забудет те моменты своей биографии, когда не было ролей, когда премьеры играли другие, а она ждала, ждала и, стиснув зубы,

повторяла про себя в пустой комнате монологи из классических трагедий... Одна из известных ныне артисток сказала мне как-то: «В театре выживают только Аркадины», имея в виду такие качества чеховской героини, как эгоизм, честолюбие, готовность устранить соперницу любыми способами. А что думает по этому поводу Чурикова?

— Для меня это неприятно, — говорит артистка. — Не понимаю, как можно любить и жалеть человека на сцене, если ты только что предавал его в жизни. Преклоняюсь перед Фаиной Григорьевной Раневской. Роли ее, в том числе и в небольших эпизодах, зрители помнят и почти о каждой рассказывают легенды. Раневская, которой присуща замечательная способность афористично мыслить, однажды призналась мне: «У меня хватило ума прожить свою жизнь глупо». То есть бескорыстно, ничего заранее не взвешивая и не отмеряя. На сцене Раневская продолжает существовать по тем же нравственным принципам, что и в жизни, она так же полна истинного сострадания и любви ко всему живому — и от этого между ней и зрителем устанавливается особый сердечный контакт. Наверное, природа этого контакта — доверие к актрисе.

По Станиславскому, любая эстетика начинается с этики. В этом смысле то, о чем говорит Чурикова, созвучно лучшим традициям отечественной сцены. Сегодня принято считать, что, мол, все это само собой разумеется. Увы, часто только на словах. На деле же тут и там встречаются режиссеры (и молодые, и старые), которым важно лишь одно — себя показать. Актеры, легко бросающие работу над спектаклем в родном театре ради громкой роли в популярном фильме. Художники, безжалостно разманивающие недоуменный от природы талант на погоню за выгодными предложениями, хвалебными рецензиями, дешевыми комплиментами...

В театре Чуриковой живет сегодня в общем-то интересно. В спектаклях Московского театра имени Ленинского комсомола она сыграла Неле («Тиль» Ш. Костера), Сарру («Иванов» А. Чехова), Комиссара («Оптимистическая трагедия» В. Вишневского). Конечно, это немного почти за десять лет. Конечно, как у каждой талантливой актрисы, есть у нее давние, заветные и, увы, пока неосуществленные

мечты — например, сыграть Жанну д'Арк... Но и сыгранные уже роли все заметные, отмеченные истинной, не показной оригинальностью.

Ее Женщина-Комиссар — самая трагическая из всех, кого довелось увидеть в разных постановках «Оптимистической трагедии». Когда-то Алиса Коленец неподражаемо передавала в этой роли чистый пафос, неподдельный восторг революции, несгибаемую волю и мужество ее борцов. Чурикова играет в первую очередь, может быть, путь в революцию. Тернистый, мучительный, святой путь в революцию прекрасных женщин, таких, как Лариса Рейснер, Инесса Арманд, Александра Коллонтай, которые не сразу стали такими, какими мы их знаем сегодня.

В этом ярком, новаторском спектакле есть впечатляющая

сцена: железная, грохочущая громада военного корабля — и застывшая перед ней хрупкая женская фигурка. Комиссара привели на корабль идеалы революции, но именно здесь, среди далеких от высоких материй матросов, в жестких условиях выполнения конкретной боевой задачи познала она истинную цену преданности этим идеалам. Для того, чтобы победить противника, ей прежде всего необходимо переступить внутренний барьер в себе самой — женщине, матери — и разрешить себе спустить курок, выстрелить в человека и убить его, потому что он враг. Этот переломный момент в сознании своей героини Чурикова проживает со всем драматизмом, вскрывая неизвестные ранее психологические глубины роли.

— Работа над «Оптимистической трагедией» для нас очень ответственна, — говорит

актриса. — Спектакль еще формируется, с каждым разом уточняется система доказательств. Хотелось бы передать величие и силу духа Комиссара не хрестоматийно, а с точки зрения сегодняшнего дня, сегодняшнего понимания героини и романтики.

Не у каждого человека, вступившего на непростой путь познания, достает мужества и решимости идти по нему до конца, не давая себе расслабиться, обмануться иллюзиями, хотя бы и весьма утешительными. Чурикова чаще всего играет людей именно такого типа. Такой была и ее Любовь Яровая из одноименного телефильма — непреклонная в своем неприятии лжи, предательства, но и непобедимо женственная, импульсивная, с душой ранимой и хрупкой.

— Жизнь может испытывать человека на прочность и в условиях повседневности, будней, — говорит артистка. — Об этом рассказывают сочинения многих современных драматургов, например Л. Петрушевской. Мне кажется, что любой человек может попасть в такую ситуацию, как Ирина, героиня пьесы «Три девушки в голубом», когда все не ладится, крутишься как белка в колесе, а дела ни с места, когда испытываешь острую потребность в любви, добре, а вокруг — никого... Все дело в том, как, несмотря на трудности, сохранить в себе человеческое.

Когда слушаешь размышления Чуриковой о работе над тем или иным образом, невольно отмечаешь ее эрудицию, богатство ассоциаций, вызываемых в ней литературным первоисточником, понимаешь, что она всегда — полноправный соавтор роли наравне с режиссером. Поэтому, может быть, в памяти остаются даже крошечные эпизоды из фильмов с ее участием. Например, из старой и отнюдь не самой удачной на нашем экране кинокомедии «Стряпуха». Актриса играла там гротескную, острохарактерную роль буфетчицы, появлялась в кадре всего несколько раз: кричала, что «пива нет», да читала подруге письмо мужа, полученное из армии. И вот ведь «волшебная сила искусства»: главные герои картины забылись начисто, а то, как кинулись навстречу друг другу буфетчица — Чурикова и ее муж — актер В. Носик, до сих пор перед глазами...

Лучшие свои роли, принесшие ей широкую известность, в том числе и международную

(месяц назад, например, в Париже с успехом прошла премьера фильма «Васса», удостоенного главного приза на последнем Московском международном кинофестивале), Чурикова сыграла в картинах режиссера Глеба Панфилова Санитарка Таня Теткина из фильма «В огне брода нет», предгорисполкома Елизавета Уварова из «Прошу слова», буфетчица Анна из «Валентины» — сколь несхожи эти женщины, жившие в разное время, по-разному любившие и горевавшие. И как похожи — талантливостью натуры, щедрой, не умещающейся ни в какие рамки человечностью, отзывчивостью, способностью художнически остро воспринимать окружающую действительность. И Вассу Железнову Чурикова сыграла личностью, калибром куда крупнее всех, с кем свела ее героиню судьба в переломный для жизни целой страны момент.

Скоро выйдет на экраны новый фильм с участием артистки. «Городок провинциальный, летняя жара, на площадке танцевальной музыка с утра». Это слова из песни, написанной на мелодию знаменитой «Рио-Риты» и ставшей лейтмотивом картины режиссера Петра Тодоровского «Военно-полевой роман». Чурикова играет Веру, жену главного героя, неожиданно повстречавшего вскоре после войны женщину, в которую был влюблен на фронте, и... потерявшего от любви голову. Сложная пора наступила для Веры. Актриса поразительно точно передает всю тяжесть того нового знания жизни, что обрушилось на ее героиню. Максимализм и бескомпромиссность Паши Строгановой из «Начала» сменяются здесь мудростью опыта, безошибочной интуицией много пережившего женского сердца... Чурикова в этом фильме изящна, подчеркнута интеллигентна, сдержанна — но те же лучащиеся душевной теплотой глаза в пол-экрана, тот же талант любить, начисто позабыв о себе...

— Я часто ставлю сама себе плохие отметки — и за роли, и за сына, бывает, когда глаза его обиженные вижу, — Чурикова на минуту задумывается. — Знаете, ребенок требует к себе колоссальной терпимости. Как каждый человек рядом с нами в сущности.

А мне в этот момент подумалось: до чего же все-таки взаимосвязаны между собой талант человеческий и талант актерский.

Н. АГИШЕВА.